

УДК 811.161.1'42:398

КОНЦЕПТ «ЗЕРКАЛО» В МИФОЛОГИИ И ФОЛЬКЛОРЕ

А. С. Гавриловская
(Мозырь, Беларусь)

В статье рассматривается использование концепта «Зеркало» в мифологии и фольклоре народов мира. Ключевые слова: концепт, зеркало, мистика, зазеркалье.

The article discusses the use of the concept "Mirror" in the mythology and folklore of the peoples of the world. Key words: idea, mirror, mysticism, through the looking – glass.

Корни мировоззренческого содержания образа «*зеркала*» уходят в мифологическое сознание, для которого «*зеркальность*» была принципом познания мира, одной из форм его духовно-практического освоения.

Что проявляется внешним образом, то должно было бы существовать отвлеченно, испокон веков, в первообразе, который отражался в так называемом зеркале таја индийской мифологии, откуда произошли выражения: «*magus*» (маг), «*magia*» (магия), «*magic*» (магизм), «*image*» (образ), «*imagination*» (вооб-

ражение), все подразумевающие обличия первобытной, живой материи без образа в определенную форму, вид или существо. В новейшей теософии зеркало таја называется Вечным зеркалом чудес, Девственницей Софией, вечно рождающей и вечно девственной. Маг происходит от таја, зеркало (П), в котором Брами, по индийской мифологии, испокон веков видит себя и все чудеса своего могущества. В древнекитайской мифологии зеркало было знаменательной эмблемой всевидящего ока их главного божества... [1, 112].

Так как одной из сторон зеркала является удвоение пространственных характеристик отображаемого объекта, то для мифологического сознания эта закономерность проявилась, прежде всего, в удвоении человека, **я сам, и отображенный я** в зеркале. Понятие «двойника» есть практически у всех народов, находящихся на определенной ступени развития мифологического сознания, и в Древнем Египте, и в современном Алтае у шаманов. Но мифологическое понимание зеркала имеет свою специфику, которая отображена в структуре мифологического сознания.

Для мифологического сознания характерно циклическое понимание исторического времени, тождественность вечности и мгновения, космоса созданного и создающегося, причем цикличность, круговорот связан не с длительностью, а с событием, которое вечно, бесконечно, но всегда дано – телесно, чувственно, осязаемо [2, 54], [3:31-33].

Так, среди образцов скифского искусства, обращаясь к популярному сюжету сидящей женщины в длинном одеянии с зеркалом в руках и стоящим перед ней молодым скифом, исследователи обнаружили, что зеркало не атрибут богини, оно является формой раскрытия «двойника» противоположного пола в зеркале. Примечательно, как женщина держит зеркало: оно помещено строго в центре композиции, между персонажами как бы для того, чтобы в него могли смотреться оба героя сцены. У индийцев, таджиков, персов и других народов, предки которых были близкими родственниками скифов, так совершался свадебный обряд: жених и невеста должны смотреться в одно зеркало. Более того, у некоторых народов именно отраженными в зеркале, а не непосредственно, они впервые видят лица друг друга. Аналогично бракосочетание у персов: при заключении брака выдерживается определенный церемониал, выраженный в следующем: расстилается белая скатерть, на которую ставят зеркало, присланное женихом, и зажигают по обе стороны от него свечи (одну во имя жениха, другую во имя невесты). Во время заключения брака невеста смотрится в зеркало, при этом все завязки и застежки ее одежды должны быть развязаны во избежание затруднений в супружеской жизни.

У многих народов мира зеркала служили миниатюрной моделью Вселенной, а изображение на них – чем-то вроде календаря, имевшего в глубоком прошлом огромное значение для хозяйственной деятельности. В Эрмитаже хранится бронзовое зеркало IX века до р. х. с изображением древних животных из коллекции известного просветителя П. Фролова. В горно-

алтайской находке «...глаза зверей на одной дуге – это точки восхода, а на другой – захода солнца» [4, 130], т. е. оно выполняло функции древнего солнечного календаря.

Духовно-практическое «зеркальное» овладение миром проявляется во многих формах мифологического осознания внешнего мира. Дж. Дж. Фрезер, приводя фактический этнографический материал в «*Душе как тени и отражению*», приводит истолкование тени как зеркального отражения жизни души. Э. Б. Тейлор пишет, что, туземцы острова Фиджи различают «темную душу» человека, или тень, которая идет в Аид, и его «светлую душу», или отражение в воде и зеркале, которое остается там, где он умирает [5, 210].

С ним соглашается и А.Ф. Лосев: «...естественность имен в сравнении с вещами можно понимать по Проклу в четырех смыслах: по типу растительных и животных организмов, возникающих как целое из частей; по типу потенции и энергии вещей как проявления самих вещей; по типу отражения предметов в их тенях или в зеркале и, наконец, по типу сознательно созданной вещи в сравнении с ней, как с моделью» [6, 282].

Согласно китайской мифологии, Дянь-му – богиня молний – изображается в разноцветном... платье, с двумя зеркалами, которые она держит в поднятых над головой руках. Стоя на облаке, она то сближает, то разводит зеркала, от чего получается молния... Считалось, что Дянь-му освещает молнией сердца грешников, которых должен наказать бог грома (Лэй-гун), поэтому ее нередко называют Зеркалом бога грома.

В древневосточной культуре понятие «зеркало» органически слито с существовавшими в то время мифологическими структурами сознания. Для Цицзан – истинное состояние бодхи («просветления») – это состояние совершенно невладения и абсолютного спокойствия. Дух пробуждения сравнивается в чаньских текстах чаще всего с «ясным зеркалом», в котором не проявляется никакой образ, если он не находится перед ним, поэтому пейзаж в живописном свитке не будет совершенным, если он не изображен как отражающийся в перевернутом виде в зеркале воды.

Чрезвычайно интересна связь понятий «зеркало» и «пустота» в древневосточной культуре. Хенко Хоси в своих «Записках от скуки» писал, что зеркалу не дано ни своего цвета, ни своей формы, и потому оно отражает любую фигуру, что появляется перед ним. Если бы имелись в зеркале цвет и форма, оно, вероятно, ничего не отражало бы. Пустота свободно

вмещает разные предметы. С другой стороны, широко известна роль пустоты во многих учениях Востока, например, в даосской и чаньской традиционных школах живописи.

Любопытно, что понятие «пустота», которое является центральным в философии китайского буддизма, сформировалось в школе «хуаянь». Окончательный и завершённый вид хуаяньское учение приняло в сочинении Дэн Гуаня «Хуаянь фацзе сюань цзин» («Сокровенное зеркало мира дхарм в хуаянь») [7, 43].

Похожие представления были и в других культурах в иные времена. В Корее, в начале XX века, вместилищем души женщины-шаманки масин манмэн было «медное зеркало», которое помещалось в алтарь. Кроме того, зеркало символизировало небесный свод, блеску зеркала приписывалась способность отгонять духов.

Мифологические корни зеркала как принципа жизнедеятельности, принципа организации бытия отражены во множестве примет, гаданий, верований, так, если «беременная женщина будет часто глядеть на себя в зеркало, ребенок родится похожим на нее». В средневековом Китае разбитое зеркало – метаформа разлученных супругов.

А. П. Афанасьев приводит взаимосвязь зеркала и солнца у славян: Сказочные предания: а) «о чудесном дворце, из окон которого видна вся вселенная, а владеет тем дворцом прекрасная царевна (Солнце), от взоров которой нельзя спрятаться ни в облаках, ни на суше, ни под водой; б) о волшебном зеркальце, которое открывает глаза всем – и близкое, и далекое, и явное, и сокровенное. Там, где в русской сказке завистливая мачеха допрашивает волшебное зеркальце, в подобной же албанской сказке она обращается прямо к Солнцу. Народные загадки уподобляют глаза человеческие зеркалам и стеклам: «Стоят вилы (ноги), на вилах короб (туловище), на коробе гора (голова), на горе два стекла (или зеркала – глаза)»; сличия *глядильцо – зрачок глаза и гляделка, глядельце – зеркало*; то же сродство одноименных понятий обнаруживается и словом *зеркало (зерцало, созерцать)*. В древности зеркала были металлические, а потому мифическое представление солнца зеркалом, известное еще греческим философам, совпадало с уподоблением его золотому щиту... Раскольники уверяют, что в зерка-

ло по ночам смотрится нечистая сила, т. е. во время ночи блестящий щит солнца закрывается демонами мрака. Вероятно, и примета, что разбитое зеркало предвещает несчастье или смерть указывает на солнечное затмение, когда, по народному воззрению, нечистая сила нападает на это светило и стремится уничтожить его.

У многих народов сохранился обычай – в доме усопшего закрывать тканью все зеркала в доме или поворачивать их к стене. Известны также случаи, когда с приходом смерти разбивается зеркало или падает картина.

Большое место зеркала занимают в русском фольклоре. Вспомним «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях» А.С. Пушкина: «... ей в приданое дано было зеркальце одно. Своей-ство зеркальце имело: говорить оно умело. С ним одним она была добродушна, весела. С ним приветливо шутила и красуясь говорила: «Свет мой, зеркальце! скажи, да всю правду доложи. Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?»».

С устойчивыми представлениями о том, что с помощью кристаллов, зеркал, водной поверхности, стеклянных сфер можно вызвать образные галлюцинации, несущие информацию, можно встретиться почти у всех народов. Следы этих представлений мы находим в Древнем Перу, в Фесте, на Мадагаскаре, в Сибири, у индейцев Америки, в Древней Греции (в работах Павзания), в Риме (в трудах Варрона), в Древней Индии и в Египте. Всюду с незапамятных времен считали, что подобным образом можно познать и прошлое и будущее.

Неудивительно частое употребление зеркал в сказочной культуре (Льюис Кэрролл «Алиса в стране чудес», «Алиса в Зазеркалье» и др.), которая по происхождению имеет мифологический характер.

Из сказок данная тема в Новое и Новейшее время переходит в фантастику. (Например, в фантастическую прозу Латинской Америки «Книга песчинок», рассказы Мануэля Мухика Лайнес «Расстроенное зеркало», Хорхе Луис Борхес «Алеф» и др.).

Таким образом, вышесказанное может свидетельствовать о том, что зеркало издревле может рассматриваться как межнациональный культурологический концепт.

Литература

1. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1972. – с. 112
2. Красных, В. В. От концепта к тексту и обратно / В. В. Красных // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1998. – № 1. – С. 53–70.
3. Кубрякова, Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е. С. Кубрякова // Вопр. филологии. – 2001. – № 1 (7). – С. 28–34.

4. Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / Волгогр. гос. пед. ун-т, Помор. междунар. пед. ун-т; [науч. ред. В. И. Карасик]. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – 259 с.
5. Тейлор, Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тейлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
6. Лосев, А. Ф. Имя: избр. работы, пер., беседы, исслед., арх. материалы / А. Ф. Лосев; сост., общ. ред. А. А. Тахо-Годи. – СПб.: Алетей, 1997. – 616 с.
7. Тейлор, Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тейлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.

МГПУ ИМ. И.П.ШАМЯКИНА